

Книги
ДЖЕФФА ЛИНДСЕЯ

Дремлющий демон
ДЕКСТЕРА

Добрый друг
ДЕКСТЕР

ДЕКСТЕР
во тьме

Большая кража

ДЖЕФФ ЛИНДСЕЙ

ДЕКСТЕР

ВО ТЬМЕ

Санкт-Петербург

Посвящается, как всегда, Хилари

В НАЧАЛЕ

В памяти ОНО сохранилось удивление и ощущение падения, но только и всего. Потом ОНО просто ожидало.

Времени на ожидание ушло очень много, но ОНО ждало легко, так как никакой памяти не было и верещать еще было некому. Вот ОНО и не понимало, что ожидает. Тогда ОНО вообще ничего не понимало. ОНО существовало без всякой возможности отмерять время, без всякой возможности хотя бы иметь понятие о времени.

И ОНО ожидало и наблюдало. Поначалу особо и смотреть было не на что: огонь, скалы, вода, — но постепенно закопошились какие-то мелкие твари, которые стали меняться и немного погодя обратились в тварей побольше. Делать они мало что делали, знай себе ели друг друга да размножались. Сравнивать, однако, было не с чем, а пока и этого хватало.

Время шло. ОНО наблюдало, как большие и мелкие твари бесцельно убивали и поедали друг друга. Наблюдать за этим, вообще-то, не было никакой радости, но больше заняться было нечем,

а тварей разных становилось все больше. Только ОНО, похоже, не было способно ни на что иное, как наблюдать. И вот ОНО стало задаваться вопросом: «А зачем я смотрю на это?»

Никакого суцего смысла во всем происходившем ОНО не видело, но поделать ничего не могло, а потому продолжало наблюдать. Мысль эту ОНО прокручивало очень долго, только ни к каким выводам не пришло. Не было по-прежнему никакой возможности эту мысль обдумать: целостное понятие смысла и цели тогда, считай, еще не совсем пришло. Никого кругом, кроме ОНО и их.

Их поднабралось полно и становилось все больше: деловито убивали, поедали и совокуплялись. Только ОНО всего одно было и ничего такого не делало, вот и стало ОНО задаваться еще и вопросом: а почему это так? Почему ОНО другое? Почему ОНО так не похоже на все остальное? Что есть ОНО, и если ОНО на самом деле чем-то было, то не должно ли ОНО тоже что-то делать?

Прошло еще время. Бессчетные копошащиеся, меняющиеся твари понемногу становились больше и все ловчее убивали себе подобных. Поначалу было интересно, но только из-за неуловимых отличий. Они ковыляли, прыгали, ползком извивались, чтобы убить один другого, были и такие, что по воздуху летали за поживой. Очень интересно, только что с того?

От всего этого ОНО стало чувствовать себя неловко. В чем был смысл? Не суждено ли, чтобы и ОНО было частью того, за чем наблюдало?

ОНО набралось решимости отыскать причину, зачем ОНО тут, какой бы та ни была. Теперь уже, изучая тварей крупных и мелких, ОНО выявляло, чем именно ОНО отличалось от них. Всем другим необходимо было есть и пить, иначе они погибали. И даже если они ели-пили, то в конце концов все равно умирали. ОНО не умирало. ОНО просто существовало. Не было у НЕГО нужды ни есть, ни пить. Постепенно, однако, пришло к ОНО осознание, что ЕМУ потребно что-то... но что? Чувствовало ОНО: сидит где-то потребность, и эта потребность росла, только ОНО не могло выразить, в чем она. Так просто, ощущение, что чего-то не хватает.

Парадом проходили века чешуек и яйцекладок, однако ответов никаких не нашлось. Убивай и ешь, убивай и ешь. В чем тут смысл? Зачем ОНО должно наблюдать за всем этим, если само не в силах ничего с этим поделать? От такой галиматьи ОНО даже стала легкая горечь одолевать.

Потом вдруг однажды явилась совсем новая мысль: «А откуда Я взялось?»

ОНО давным-давно сообразило: яйца, из которых другие вылупляются, они от совокупления. ОНО, однако, не из яйца вышло. Вовсе ничто не совокуплялось, дабы даровать ОНО существование. Когда ОНО впервые осознало себя, и совокупляться-то было нечему. ОНО явилось сюда первым и, судя по всему, навсегда, если не считать смутного и тревожного воспоминания о падении. Зато все остальное вылуплялось либо рождалось. А ОНО

нет. И от этой мысли стена между ОНО и ими, похоже, взметнулась намного выше, на невероятную высоту вытянулась, отделяя ОНО от них полностью и навечно. ОНО было одиноко, совершенно одиноко навсегда, и от этого делалось больно. ОНО хотело стать частью чего-нибудь. ОНО было одно-единственное. Разве не должно ОНО иметь возможность совокупляться и производить еще таких же?

И стало это, похоже, куда важнее, нежели мысль: «ЕЩЕ ОНО». Все остальные производили еще и еще. ОНО тоже хотело произвести еще.

Наблюдения за взбалмошной, буйной жизнью безмозглых тварей приносили страдание. Огорчение росло, обращалось в гнев, а гнев оборачивался яростью к глупым, ненужным тварям и их бесконечному, глупому, оскорбительному существованию. Ярость росла и травила душу, пока не настал день, когда терпеть дольше ОНО не могло. Не дав себе времени подумать, что делает, ОНО взмыло и набросилось на одну из ящериц, желая так или иначе сокрушить ее. И произошло нечто чудесное.

ОНО оказалось внутри ящерицы.

Видело и чувствовало то, что видела и чувствовала ящерица. О ярости ОНО надолго и думать забыло.

Ящерица, по-видимому, и не заметила, что у нее пассажир появился. Занималась своим делом: убивала да совокуплялась, — а ОНО каталось. Было очень интересно пребывать на борту, когда

ящерица убивала какую-нибудь мелкую тварь. Для эксперимента ОНО переместилось в одну из мелких. Пребывать в той, кто убивала, было гораздо забавнее, однако этого не хватало, чтобы навести на какие-либо настоящие содержательные мысли. Пребывать в той, кого загубили, было очень интересно, это навело на кое-какие мысли, вот только не очень радостные.

Какое-то время эти новации в бытии ОНО радовали. Пусть прочувствовать простенькие эмоции тварей ОНО было не по силам, они и сами, однако, никогда не выбивались за рамки путаницы. Твари по-прежнему не замечали ОНО, понятия не имели никакого... ну, попросту не было у них никаких понятий.

Похоже, не способны они были иметь хоть какое-то понятие. До того были ограничены... и все же они были живыми. У них была жизнь, но они того не ведали, не знали, что с ней делать. Это не вязалось со справедливостью. И вскоре ОНО вновь заскучало, опять стало все больше и больше раздражаться.

И наконец пришло время, когда стали попадаться твари-обезьяны. Поначалу они, казалось бы, не очень-то нравились. Маленькие, трусливые и крикливые. Впрочем, на одно крохотное отличие ОНО в конце концов обратило внимание: у тварей имелись руки, что позволяло им вытворять удивительные штуки. ОНО видело, как сами твари осознали, что стали рукастыми, как принялись

пускать руки в ход. Пользовались они ими для громадного разнообразия новшеств: мастурбировали, увечили один другого, отбирали еду у соплеменников, что поменьше.

ОНО было в восторге и наблюдало пристальнее. ОНО смотрело, как они били один другого, а потом убегали и прятались. ОНО смотрело, как они воровали друг у друга, но только когда никто не видел. ОНО смотрело, как они вытворяли друг с другом ужасные вещи, а потом делали вид, будто ничего и не было. И пока ОНО наблюдало, произошло нечто чудесное: ОНО рассмеялось.

А когда ОНО рассмеялось, родилась мысль, обретая в ауре ликования все большую четкость. ОНО подумало: если так, то и мне дело найдется.

ГЛАВА 1

Да разве это луна? Где та яркая луна, сияющая острой, режущей радостью? Нет ее. О, эта манит, скулит и блестит, дешевка, канавное подобие той, какой ей следовало быть, и нет в ней никакой остроты. Нет у этой луны ветра в парусах, чтобы нести хищников сквозь сладость ночного неба к восторгу резать и кромсать. Вон она, эта луна: перемигивается застенчиво сквозь безусловно чистое окно с женщиной, присевшей на краешек дивана и бодро-весело щебечущей про цветы, каннапе и Париж.

Париж?

Ну да, далеко растекающимся густым, как сироп, голосом с луноликой серьезностью женщина щебечет о Париже. Все талдычит про Париж. Опять.

Так что же это за луна! С ее-то едва не бездыханной улыбкой да ухмылкой из кружев по краям? Позвякивает слабенько в окно, но никак не может проникнуть внутрь сквозь сплошное до одури приторное щебетанье. И какому же Темному

Рыцарю было бы по силам высидеть там, в другом углу комнаты, где сидит сейчас Декстер Ошеломленный, притворяется, что слушает, а сам исподлобья луну разглядывает?

Эта луна, должно быть, свадебным медом мазана: разворачивает свое брачное знамя в гостиной и в ночи, призывает всех собраться вокруг него, дает сигнал — в атаку, еще один — в церковь, дорогие друзья, потому что Декстер Убийственные Ямочки сочетается браком. Сцеплен с вагоном блаженства, что тянет за собой прелестная Рита, которую, как выяснилось, всю жизнь одолевала страсть увидеть Париж.

Женат, медовый месяц в Париже... Неужели этим словам и в самом деле место в одном предложении с любым другим намеком на нашего Призрака-Потрошителя?

Вправду ли видим мы вдруг протрезвевшего и глупо улыбающегося головореза у алтаря в действующей церкви, в галстук и фраке а-ля Фред Астер, надевающего кольцо на затянутый в белое пальчик под сморкание и лучезарные улыбки всей собравшейся паствы? А потом и Демона Декстера в мадрасских шортах до колен, глазющего на Эйфелеву башню и смакующего *café au lait*¹ возле Триумфальной арки? Держащегося за руки и до головокружения раскатывающего по Сене, тупо плящегося на всякую безвкусную безделушку в Лувре?

¹ Кофе с молоком (фр.). — Здесь и далее примеч. ред.

Конечно, полагаю, лучше бы мне было устроить паломничество на улицу Морг, это святилище для серийных головорезов.

Однако давайте на миг станем капельку серьезнее: Декстер в Париже? Вопрос тем, кто на старте: «Американцам все еще позволяют ездить во Францию?» И тем, кто финиширует: «Декстер в Париже? На *медовый месяц*?» Как может Декстер, человек полночного толка, даже подумать о такой обыденщине? Как может человек, считающий, что секс так же интересен, как и бухгалтерский учет, вступить в брак? Короче, как перед лицом всего, что есть нечестивого, темного и убийственного, может Декстер и впрямь собираться проделать такое?

Вопросы замечательные и очень здравые. И если честно, не так-то легко на них ответить даже самому себе. Однако вот он я: выношу китайскую пытку водой, выслушивая щебетания ожидающей чудес Риты, и гадаю, как Декстеру удастся вытерпеть такое.

Ладно. Декстер такое вытерпит, потому что должен сохранить и даже подновить необходимую для него мимикрию, которая не позволяет миру увидеть его таким, какой он есть на самом деле. В противном случае кто согласился бы сесть с ним за один стол в сумерках, в особенности когда еще и столовое серебро имеется. Вполне естественно, нужно хорошо и упорно поработать, чтобы убедиться: не до всех еще дошло, что Декстером правит его Темный Пассажир, шелковый голос, шеп-

чущий с затененного заднего сиденья. Однако время от времени он забирается на переднее сиденье, чтобы сесть за руль и отвезти нас в Парк Немыслимого. Нельзя давать овцам понять, что Декстер — это волк среди них.

Так что взялись мы, Пассажир и я, за работу, весьма тяжкий труд при нашей-то маскировке. За последние несколько лет нам удалось создать Декстера Ухажера. По замыслу, он представляет миру бодрое, а превыше всего нормальное лицо. В этом чарующем проекте Рита значится как Подруга, и это с многих точек зрения идеальное решение, учитывая, что секс Рите так же неинтересен, как и мне, зато в качестве сопровождения ей нужен Понимающий Джентльмен. А Декстер понимает по-настоящему. Не людей, романтику, любовь и всякое такое бла-бла-бла. Нет. Декстер понимает, что есть смертельно скалящаяся итоговая черта, он знает, как отыскать в Майами из множества кандидатов наиболее достойного на эти последние темные выборы в скромный Зал Славы Декстера.

Тут абсолютной гарантии, что Декстер — прелестный попутчик, нет. Прелесть дается годами практики и является искусственным продуктом упорного и мастерского труда в лаборатории. Но бедная Рита — ей крепко досталось в ужасно несчастливом и буйном первом браке, — похоже, так и не в силах отличить маргарин от сливочного масла.

Прекрасно. Два года Декстер с Ритой не жились и блистали в майамском обществе, были повсюду замечаемы и всеми обожаемы. Потом, однако, после целой серии событий, способных настроить просвещенного наблюдателя на скептическую волну, Декстер с Ритой как-то нечаянно оказались помолвлены. И чем больше я раздумываю, как самому выпутаться из такой смехотворной ситуации, тем больше сознаю: то был логичный следующий шаг в доработке моей маскировки. Женатый Декстер-некто-Декстер с двумя готовенькими детками! Уж он точно ничуть не похож на того Декстера, которым является на самом деле. Квантовый скачок вперед сквозь пространство-время на новый уровень человеческой микрии.

И потом, есть еще и двое детей.

Может показаться странным, что человеку, чья единственная страсть — человеческая расчлененка, могли и вправду нравиться дети Риты, но ему они нравятся. Мне нравятся. Заметьте, слезы никак не увлажняют мои глаза при мысли о выпавшем зубике, потому как для этого необходима способность ощущать эмоции, а я вполне счастлив и без любой такой переменной. В целом же, однако, дети мне куда более интересны, нежели их родители, а особенно меня раздражают те, кто чинят им вред. Сказать по правде, изредка я таких выслеживаю. А когда нападаю на след этих хищников, когда полностью уверен, что они на самом деле натворили то, что давно творят, я все

делаю, чтобы они напрочь утратили способность творить такое, — притом очень радостной рукой, без оглядки на совесть.

Итак, тот факт, что у Риты после плачевного первого брака имелось двое детей, отнюдь не был отталкивающим, особенно после того, как стало ясно: детям нужен особый отеческий подход Декстера, чтобы держать в прочной узде собственных Темных Пассажиров, надежно пристегнуть их к безопасному, уютному заднему сиденью и не отстегивать до той поры, пока сами не научатся машину водить. Ведь если поразмыслить, то как раз эмоциональный и даже физический ущерб, причиненный Коди с Астор их насквозь пропитанным наркотиками биологическим отцом, и толкнул их на Темную Сторону, как и меня. А теперь они должны были стать моими детьми как по закону, так и по духу. Этого почти хватало, чтобы во мне возникло ощущение: в жизни, в конце концов, есть некая влекущая цель.

Так что у Декстера появилось несколько отличных поводов вынести это... но Париж? Я не понимаю, откуда пошла мода представлять Париж чем-то романтическим. Помимо французов, кто-нибудь, кроме Лоуренса Уэлка, когда-нибудь считал, что аккордеон — это сексуально? И разве не ясно стало теперь, что мы им там не нравимся? И что они ничего лучше не придумали, как упрямо говорить по-французски?

Видно, Рите мозги промыло какое-то старое кино, что-нибудь с задорной оторвой-блондинкой